

Олег МАСЛОВ: "Я полюбил и то, и это..."

Я знаю этого неординарного человека очень давно; смею надеяться, что он - мой друг. И, знаете, всегда удивлялся: как могут ужиться в одной душе практическая, безжалостная медицина и ее Величество госпожа Поэзия?

И вот передо мной новый, только что вышедший из печати сборник Олега Маслова "Жизнь продолжается". В нем ответ на мучивший меня вопрос:

Я полюбил и то, и это
Одной любовью в звездный час -
И лиру звонкую поэта,
И чашу горькую врача...

Да, Олег Константинович, унаследовав профессию врача от родителей, многого достиг в медицине, но лично мне он ближе как Поэт. Да, именно Поэт с большой буквы, любимый и читаемый не только в Приамурье, но и далеко за ее пределами.

"Стихи и рассказы о врачевании" - этот подзаголовок сопровождает новый сборник О. Маслова. Пожалуй, впервые автор собрал воедино именно те свои произведения, которые в той или иной мере касаются его основной (по крайней мере, по институтскому диплому) профессии. Что из этого вышло? Да просто, без дураков - здорово!

Схорошим сборником тебя, Олег Константинович! Рад, что над его оформлением плодотворно поработал еще один мой старинный друг - Леонид Шатон. А вот полиграфисты, увы, подкачали - качество печати книжки оставляет желать лучшего. Но, надеюсь, не это главное, главное - ее содержание. Я уверен: разговор, который ведет с читателями врач, поэт и прозаик Олег Маслов, никого равнодушным не оставит.

Александр ФИЛОНЕНКО.

В начале 60-х ректором нашего медицинского института стал восточный человек по имени Магомет. И сразу же при очередном наборе среди абитуриентов появились первые "магометане". С каждым годом их становилось все больше и больше, хотя далеко не все из них с ходу трансформировались в студенты. Многие проваливались на первом же вступительном экзамене, но возвращаться восвояси не спешили: год работали лаборантами в институте или санитарями в больницах, а затем дополняли свои личные дела характеристикой с места работы и приступали к новому штурму вузовской твердыни.

К числу таких упорных принадлежал и Арам, низкорослый, худощавый, застенчивый юноша из аула, с трудом говорящий по-русски, но с малолетства мечтающий стать врачом. Только с четвертой попытки невесть каким образом удалось ему поступить в институт. Но сбыться его заветной мечте - получить диплом врача - было все-таки не суждено. Поступить-то он поступил, а учиться не смог - "плохо понимал русские буквы". Посоветовался он с женой (к тому времени появились уже и дети), с друзьями, забрал в учебной части документы и окончательно обосновался там, где и провел все эти годы на Амуре, - санитаром в морге.

Для морга это была настоящая находка - более надежного, работающего и тактичного санитаря представить было просто невозможно. Но и для Арама белый халат стал мундиром, а должность - призванием.

Не комплекса и реально оценивая свои возможности, он здраво рассудил, что морг - неотъемлемая составная часть медицины и санитар в нем - незаменимая личность. А посему лучше уж быть хорошим санитаром, чем плохим врачом. Решение было принято, и с тех пор он всегда производил впечатление человека "в своей тарелке" - открытый добрый взгляд при встрече, знание ситуации, уверенность в своих действиях, готовность откликнуться на любую просьбу. Словом, пусть не в том варианте, как хотелось изначально, но в целом мечта его стать медиком сбылась, и это поддерживало в нем ощущение полноценности и самоуважения.

уважения.

Сполна почувствовал он свою нужность ближайшим летом, когда начальство встретило его чуть ли не с букетом на вокзале и попросило досрочно выйти из отпуска, ибо стоило ему уехать в родные края, как всем в морге стало ясно, что это заведение может обойтись без кого угодно, включая самого Начальника, только не без Арама. Особенно в жаркую летнюю пору. С тех пор его буквально умоляли не брать отпуск летом.

Это вовсе не означало, что в морге не

ИНТЕРВЬЮ

было других санитаров - они там были, есть и будут всегда. Но в большинстве своем это был люд невежественный, алчный, пьяный и не шел ни в какое сравнение с Арамом, который при необходимости был всегда на месте в любой день недели и в любое время суток. Пьяным его на работе никто никогда не видел.

Начальство, ценя по большому счету его деловые и человеческие качества, платило ему максимум возможного. И тем не менее для его многодетной семьи это были не ахти какие деньги. Поэтому, когда родственники умерших предлагали дополнительную плату за услуги, он не отказывался, но при этом никогда сам не просил и не называл цену.

Однако были у него три железных табу: не брать плату у медиков, у родных и знакомых сослуживцев и у сильных мира сего, за которых ходатайствует руководство морга. Он соблюдал их всегда. Но одно исключение все-таки было, о чем стоит рассказать.

Год назад умер близкий родственник одного Чина. Чин этот занимал большой пост в верхах и имел внушительную внешность: крупный, слегка вальяжный, с дежурной покровительственной улыбкой на устах, всегда, даже в июльский зной - в пиджаке, белой сорочке с манжетами и при галстуке. С подчиненными и простыми смертными держался на дистанции, говорил хоть и властно, но ровно, не повышая

голоса, даже при разносах не употреблял крепких выражений, за что и слыл интеллигентом высокой пробы.

Араму, разумеется, было поручено лично проследить за сохранностью трупа, одеть его и выдать в лучшем виде. В урочный час к моргу вместе с "уазиком" подкатила и белая "Волга", на которой приехал сам Чин в сопровождении небольшой свиты. В траурном зале звучала похоронная фоновая музыка. Возле гроба в скорбном молчании стоял и Начальник морга. Арам стоял в стороне на почтитель-

Какая ж сила приобщила
Меня к стихии мук людских
И, словно пологом, закрыла
Палитру радостей земных?
Боль сострадания?
Есть и это,
И все же главное - в другом...
Душа светла, и жизнь согрета
Отнюдь не жертвенным огнем.

Когда из операционной
Выходишь в мир иных забот,
Всегда с надеждой затаенной
Тебя в приемной кто-то ждет.
И, зная это, первым делом
Идешь туда, неся с собой
Весть, что всегда была уделом
Военной почты полевой.
Как оживают просветленно
Людей измученных черты,

голоса, даже при разносах не употреблял крепких выражений, за что и слыл интеллигентом высокой пробы.

Араму, разумеется, было поручено лично проследить за сохранностью трупа, одеть его и выдать в лучшем виде. В урочный час к моргу вместе с "уазиком" подкатила и белая "Волга", на которой приехал сам Чин в сопровождении небольшой свиты. В траурном зале звучала похоронная фоновая музыка. Возле гроба в скорбном молчании стоял и Начальник морга. Арам стоял в стороне на почтитель-

ном расстоянии.

Когда гроб погрузили в "уазик", Чин спросил Начальника, кому он обязан за такое хорошее обслуживание. Тот взглядом указал на Арама, но предупредил, что ничего платить не надо, дескать, санитар все получит по преискуртанту. Чин понимающе посмотрел на Начальника, грустно улыбнулся ему, жестом попросил его отставать на месте, а сам подошел к Араму и пригласил следовать за ним.

Выйдя из зала в коридор и убедившись, что, кроме них двоих, здесь никого нет, он достал портмоне и спросил:

- Сколько?

- Нисколько, - последовал ответ. На лице Чина обозначилась болезненная гримаса:

- Ну ладно, давайте не будем строить из себя невинность. Сколько? - нетерпеливо спросил он и оглянулся по сторонам. Ему очень не хотелось, чтобы кто-то стал свидетелем этого разговора.

- Я уже сказал, нисколько, - с олимпийским спокойствием повторил Арам.

Чин достал из портмоне банкноту и снова огляделся - на этот раз он искал место, куда бы ее положить и быстро уйти. Но в коридоре не было ни стола, ни стула, ни даже подоконника. Тогда его взгляд остановился на кармане халата санитаря. Но Арам на лету перехватил обеими руками его руку с банкнотой и решительно отвел ее в сторону.

Чин опешил. Он привык повелевать и

СНЕГ

И во врачебной нашей касте
У каждого, кто предан ей,
Живет в душе подвижник-мастер,
Что горд профессией своей.
Стул почини - и то отрада,
Уже недаром прожит век,
А какова ж за труд награда,
Когда - не стул, а человек!

Вот он лежит, сонлив и бледен,
И невдомек ему одно,
Что все, чем я богат и беден,
В его глазах заключено:
Открой он их - моя победа,
Закрой навек - моя беда,
Вернись их блеск - и не изведать
Мне лучшей доли никогда.
И жизнь при всех ее утратах,
Быть может, тем и дорога.

Светает. Тишина в палатах.
А за окном - снега, снега...

* * *

Когда счастливым почтальоном
С улыбкой к ним подходишь ты!
И все ж случается порою -
Стоишь, не зная что сказать,
А на тебя глядит с мольбою
Его, единственного, мать.
Все можно объяснить на свете
Жене, и сыну, и отцу...
Но мать... ей проще бы со смертью
Самой сойтись - лицом к лицу.

принимать благодарности, а тут не только не принимают его милости, но и применяют в отношении его силу. И, главное, кто?! Он брезгливо посмотрел на то место на рукаве пиджака, за которое брался Арам, - не остались ли отпечатки его ладоней - и, не в силах оставить поле боя побежденным, сменил тон:

- Ну возьмите, так полагается, все вернут...

- Может, это у вас все, а у нас нет.

- Это... Это у кого же - у вас?

- У нас, медиков.

Чин побагровел.

- Слушай, ты говори, да не заговаривайся. Знаю я вас, как облупленных. Тоже мне медик нашелся. Ты такой же медик, как... - и осекся на полуслове.

По резкой перемене во взгляде и поведении Арама он понял, а скорее почувствовал, что тот теряет над собой контроль и сейчас произойдет что-то непоправимое. И действительно, оказавшись в эту минуту в другом месте, пожалели бы, наверное, об этом потом оба. Но это был морг, где-то рядом лежал покойник, на Араме был белый халат, и многолетнее самовоспитание не позволяло ему в этой обстановке произнести даже бранное слово. А гнев подкатил к горлу, и неизвестно, что случилось бы в момент следующий, если бы в этот, последний, его не осенило спасительное прозрение. Он вдруг подумал, что человек так поглупеть может только от большого горя. Ну, конечно же, кто здравомыслящий может побрезговать прикосновения к своей одежде рук, которые только что обряжали в последний путь родного человека? Как можно было усомниться в том, что я медик, если я работаю санитаром и на мне белый халат? Да и вообще: может ли нормальный человек устроить в морге свару из-за того, что у него не берут деньги?.. И гнев стал сменяться милостью.

Не веря глазам и ушам своим, перепуганный Чин увидел подобревший взгляд собеседника и услышал слова:

- Хорошо, пусть будет по-вашему. Только выполните мою просьбу: купите на эти мои деньги цветы и положите их на могилу.

Впрочем, не рассказывай Арам эту историю во время именинного застолья, где гостем был мой приятель, мы так ничего бы и не узнали о его "грехопадении".

